

П. Е. ЩЁГОЛЕВ

К характеристике Николая Второго*

**Глава 1
Молодость**

1

Последний царь из династии Романовых, последний русский самодержец император Николай, расстрелянный в Екатеринбурге в июле 1918 года, ждет своей характеристики. Бесспорной кажется его историческая роль; в темных и зловещих красках

* Впервые: *Щёголев П. Е.* Последний рейс Николая Второго. М.; Л., 1928. Печатается по: *Щёголев П. Е.* Последний рейс Николая II. М.: Книга, 1991. С. 63–95.

Щёголев Петр Елисеевич (1877–1931) — русский историк литературы и общественного движения, один из крупнейших пушкинистов начала XX в. Будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1899 г. был исключен из него за участие в организации крупного студенческого выступления. После восьмимесячного заключения был отправлен в ссылку, которую отбывал в Полтаве. Оппозиционной деятельности не прекратил, за что был сослан в Вологодскую губернию. В 1903 г. вернулся в С.-Петербург, сдал экстерном экзамен за курс историко-филологического факультета. В 1906–1907 гг. совместно с В. Я. Богучарским и В. Л. Бурцевым издавал историко-революционный журнал «Былое», в 1908 г. — журнал «Минувшие годы». За публикацию антиправительственных материалов в 1909 г. был привлечен к суду и приговорен к трем годам тюремного заключения в Петропавловской крепости. В 1905–1917 гг. опубликовал воспоминания декабристов М. А. Фонвизина, Е. П. Оболенского, В. И. Штейнгеля, А. Е. Розена и Н. В. Басаргина. После Февральской революции 1917 г. — член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, разбирал архивы Департамента полиции. После Октябрьской революции 1917 г. — один из организаторов Петроградского историко-революционного архива; с 1919 г. — член коллегии Петроградского отделения Главархива, с 1920 г. — управляющий одним из отделений Государственного архивного фонда. Один из создателей Музея революции в Петрограде. Умер и похоронен в Ленинграде. — *Примеч. сост.*

рисует его образ в сознании народных масс... Кровь, кровь, кровь... Катастрофа при восшествии на престол на Ходынке, Японская война, революция 1905 года, кровавая реакция, мировая война... Уже стал нарицательным эпитет «Николай II Кровавый». Но за этим эпитетом, за этим зловецим и темным образом надо почувствовать, освоить человека. С одной стороны, нам, современникам, легче понять и почувствовать личность Николая, но, с другой стороны, в руках исследователя мало еще проверенного, отстоявшегося материала. В самом деле, в нашем распоряжении имеются воспоминания, писанные или приближенными Николая, выброшенными за рубеж волнами русской революции, или дипломатами, находившимися при русском дворе. Мемуаристы русские, за малыми исключениями, хранят подобострастные чувства к особе в Бозе почившего, и в их характеристиках он является ангелом во плоти; если они про себя и знают, что этот ангел бывал временами мелким злым демоном, то сейчас они этого не скажут: не пришло еще время развязаться их языкам. Мемуаристы иностранные, дипломатические агенты и представители писали свои воспоминания по личным впечатлениям, но они тоже не беспристрастны: они оценивали личность русского монарха сквозь призму интересов своей страны. Все эти зарубежные воспоминания требуют чрезвычайно осторожного и критического отношения.

Этим материалам для характеристики Николая надо противопоставить другой источник первоклассного значения и подлинной достоверности: это — высказывания самого Николая. Они сохранились в письмах и дневниках. Нельзя не пожалеть, что дневники последнего царя не изданы до сих пор полностью. Правда, средний читатель — и читатель не только наш советский средний, но и в масштабе европейском и мировом — вряд ли одолел бы эти десятки тетрадей, написанных ровным почерком и удивительно утомительных, нудно-однообразных. Но для историка знакомство с этими тетрадями совершенно необходимо.

Правда, для среднего читателя берлинское издательство Ульштейна выпустило краткую, но вразумительную выборку из этих дневников. Но помимо писем и дневников высказывания Николая сохранились в многочисленных резолюциях, положенных им на всевозможнейших, так называемых всеподданнейших, докладах. Это те резолюции, которые покрывались лаком для сохранения на вечные времена, о которых нельзя было выразиться иначе как

«собственною его императорскою рукой начертать соизволил». Пишущий эти строки имел случай ознакомиться в 1917 году с резолюциями Николая II в количестве весьма почтенном и в дальнейшем изложении широко пользуется этим своеобразным биографическим источником.

2

Предварительно несколько слов о молодости Николая II, и прежде всего о его образовании. Николай II получил образование довольно легковесное. Если для его деда, Александра II, родители с особенным тщанием выбирали учителей и наставников, придавая особенное значение воспитанию наследника трона, то родители Николая II установили для него «пониженный» уровень. Правда, преподавал науки Николаю целый синклит: тут и проф. Замысловский (русская история), и Н. Х. Бунге (финансовая наука), и сам К. П. Победоносцев, и Н. Н. Бекетов (химия). Но за всем тем и это образование пониженного уровня не вызывало в нем приятных эмоций. По крайней мере, не без удовольствия записал он в дневнике за 1890 год: «Закончил образование окончательно и навсегда». В это время ему было 22 года. Витте и Победоносцев — невысокого мнения об образовательных результатах, достигнутых Николаем. Да и как их было достигнуть, когда профессорам запрещено было задавать вопросы ученику, а у ученика не было никакой охоты спрашивать. «А «августейшие» родители, когда им указывали на небыстрые успехи сына, говорили: «Да он еще маленький!» Витте, пристально наблюдавший за Николаем, пришел в конце концов к заключению: «Император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства».

Общее образование сменилось специальным, конечно, военным. Военные науки преподавали наследнику престола известные военные специалисты: генералы Пузыревский и Леер. Молодой наследник не чувствовал, очевидно, ни восторга, ни интереса к лекциям прославленных военных ученых; «был изведен Пузыревским», — заносил в дневник Николай после лекции генерала. А о Леере записывал: «Занимался с Леером, чуть не заснул от усталости» или: «Встал поздно, чем урезал Лееру его два часа».

3

Науке час, потехе время. Дни наследника были посвящены утехам и забавам. Дневник пестрит записями об обычном времяпрепровождении. Вот на выбор несколько записей.

«12 января. Пятница. Встал в 10 ½; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь — спячка, т. к. никакими средствами добудиться меня не могут. Принял поручика Машкова, прошедшего два года в Абиссинии. Катались на катке без Воронцовых. После закуски поехали в Алекс[андринский] т[еатр]. Был бенефис Савиной “Бедная невеста”. Отправились на ужин к Пете. Порядочно нализились и изрядно повеселились».

«23 января. Вторник. Сегодня было мое маленькое приемное утро. Завтракали: д[ядя] Альфред, Н. К. Гирс и Оболенские. На катке было очень весело. Я наконец одел коньки и валял во всю мочь за мячиками. Пили чай с Воронцовыми и Ольгой. Страшно дрались с ними у Ксении. В 7 часов обедали у Оболенских. Отлично танцевали у Воронцовых до 3 часов».

«21 февраля. Среда. Занимался менее часа с Пузыревским: он меня извел. Затем в 11 ½ поехал к тетеньке на репетицию нашего спектакля. Сазонов (актер) присутствовал и давал советы. Завтракали. Солнце грело по-весеннему. Закусывали, в 8 часов приехали к Сандро (великий князь Александр Михайлович. — П. Ш.). Играли форменно в рулетку: я проиграл 9 руб[лей]. После этого весело ужинали с песнями».

Число записей из дневника можно было бы увеличить, но все они похожи, как капля воды, все они с одинаковой монотонностью рисуют устойчивый и однообразный быт, окружавший Николая. Посещение театров, редко драмы, а чаще всего балеты, оперы французского театра... Веселый пляс на вечерах у августейших (Шереметьевых, Оболенских, Воронцовых). Здесь «веселились за разными танцами», устраивали возню, небольшую и большую, с женской молодежью этих домов в темных коридорах и комнатах... «У Шереметьевых много возились, бегая по всему дому по темным коридорам». Или: «Пили чай вместе, что окончилось отчаянной возней». Читатель может сам разгадать, в чем состояла возня.

Обильными возлияниями сопровождалась эта жизнь. Пьянство было в ходу. То и дело читаем в дневнике: «Закусывали

с подобающими винами и песнями...» «После завтрака было принято соответствующее количество влаги...» «Пили дружно...» «Пили хорошо...» «Засиделся за мадерой...» «(За охотой) пили из рога шампанское вкруговую» и т. д.

И когда наконец домашние забавы надоедали, Николай со своими родственниками находил еще одно занятие, совсем невинное: «Смотрели от скуки через забор на Невский» или «играли с Сандро и Оболенским, как малые дети, в прятки»... Или (в Крыму): «Утром, после кофе, дрались каштанами сначала перед домом и кончили на крыше».

Так изо дня в день жил двадцатидвухлетний наследник русского престола.

4

Зима сменялась летом. Зимние утехи уступали место летним, и наследник продолжал утешаться. По летам полк, в котором служил Николай, — л.-гвардии Гусарский, уходил в лагерь в Красное Село. Лагерное препровождение описано в царских дневниках. Оно мало чем отличалось от городского. Не в развитии воинских доблестей было дело. Веселиться — вот закон наследника.

1. «22 июня. Пятница. Бивак у Царской Славянки. Утром отдавал различные распоряжения насчет имущества, которое идет в лагерь. В 5 часов выступили всем полком в Царскую Славянку под командою дяди Павла... Замечательно весело провели всю ночь: обедали, возились на сене, бегали в саду, прыгали, лазили на крышу и после ужина рассказывали анекдоты. Вечер и ночь идеальны».

2. «29 июля. Воскресенье. В 10 часов поехал в Красное к обедне. Семейство завтракало одно в садовой палатке. В 2 часа были обязательные скачки, прошедшие благополучно. В 6 часов происходили Красносельские скачки: скоро и удачно. После основательной закуски у кавалергардов поехал в театр. На Горке был ужин с испанцами, цыганами и малороссиянами».

3. «30 июля. Понедельник. Вид вниз и восход солнца были превосходны. Дело на Горке разгорелось и продолжалось до 11 часов утра. Я был отнесен офицерами домой. Встал в 5 час[ов], совсем свежий. Подкрепившись чаем, поехал в Красное. Закусывал у папа. Были в театре. Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно».

«31 июля. Вторник. Вчера выпили 125 бут. шамп[анского]».

Маленькая запись о Кшесинской вводит нас в новый круг утех и забав наследника. Как раз к красносельским лагерям 1890 года относится первая встреча с балериной императорского балета Матильдой Феликсовной Кшесинской. Летом 1890 года этой балерине суждено было войти в недра императорской фамилии и остаться в них. Она захватила Николая при первом же свидании. «Кшесинская 2-я мне положительно очень нравится» или «положительно Кшесинская 2-я меня очень занимает», — записывает Николай в дневнике. А в июле послушный сын уже ведет с отцом разговор о связи с Кшесинской. А когда полк покидал красносельский лагерь и около красносельского театра происходило освящение штандартов, Николай переживал любовь этого лета. «Стоянка у театра дразнила своими воспоминаниями». Но Кшесинская Кшесинской. Кроме связи, наследник должен был думать и о браке, о жене законной. У Николая как раз в медовый момент связи с Кшесинской были мечты о женитьбе как раз на той, кто стала его женой, — принцессе Алисе Гессенской. И в то время, когда воспоминания о любви Кшесинской дразнили и ласкали его воображение, он записывал: «Моя мечта — когда-либо жениться на Алике Г[ессенской]. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г[ода], когда она провела шесть недель в Петербурге». Поистине: за неимением гербовой — на простой. Матильда Кшесинская, как известно, и после женитьбы Николая осталась в доме: сначала она перешла к великому князю Сергею Михайловичу, а от него — к великому князю Андрею Владимировичу.

Но возвращаемся к военным занятиям наследника. Лагери заканчивались маневрами, а затем осенними охотами. Но времяпрепровождение не менялось. Так, 3 сентября 1890 года наследник записал:

«Спал. Приехали сюда в 5 часов. С папа и д[ядей] Владимиром отправился пешком к дому. День был серый, но теплый. Завтракали с прежним обществом в симпатичной столовой. Живу в прежней комнате. Гуляли в лесу и осматривал и новый дом, в кот[ором] живет Николаша. Вечером приехала Апрак. За обедом пили из рога, отчего некоторые генералы намокли. После игры в биллиард ушел спать».

Но участие в лагерной жизни, в маневрах приносило, кроме любовных утех, еще и служебные отличия. Так, орден св. Владимира 4-й степени был пожалован наследнику «За четыре лагеря».

5

Так безмятежно, тихо, весело текли дни, недели, месяцы, годы «великой стези» от наследника цесаревича к государю императору.

Для окончательного завершения и отшлифовки образования попечительные родители решили отправить сына в путешествие на Восток. Идейным руководителем был выбран князь Э. Э. Ухтомский. Но записи дневника, сделанные Николаем во время путешествия, хранят красноречивое молчанье об образовательных результатах путешествия. Изумительные красоты природы, замечательные памятники искусств, неведомые страны и люди — все это проходило мимо царственного путешественника, оставалось невоспринятым. Невосприимчивость психики Николая надо отметить: это — основная черта его психологии, чрезвычайно многое объясняющая в его действиях и поведении. Произведения искусств не трогали Николая. Вот он на Ниле перед Луксорским храмом — чудом света. Со всех концов мира стекались путешественники взглянуть на него. Николай тоже посмотрел и записал: «17 ноября. Суббота. На Ниле. В 6 часов пошли дальше и к завтраку, т. е. к 12 час., остановились в Луксоре. Пошли осматривать Луксорский храм, а затем на ослах Карнакский храм. Поражающая громадина...» И все. Да, все, ни слова больше. О тропической природе запись дневника не менее красноречива: «Странно находиться под тропиком. Температура была его достойна». Вдали от русского двора, под тропиками, пришлось вспомнить старые, привычные утехы — балет и вино. Балет на Востоке представлен альмеями — танцовщицами, предлагающими и танцы, и любовь. Сначала Николай не воспринял альмей. «Смотрели на танцы альмей. Ничего особенного». Но через день восприимчивость к альмеям сильно повысилась. «После обеда отправились тайно смотреть на танцы альмей. Этот раз было лучше, они разделись и выделяли всякие штуки с Ухтомским». На следующий день к альмеям уже потянуло: «Опять были у альмей. Немного выпили в Hotel “Luxor” и напоили нашего консула».

Так совершал образовательную поездку наследник. Впрочем, это путешествие сыграло большую роль в развитии политического миросозерцания Николая. Князь Ухтомский привил Николаю тягу на Восток, и без того суеверный ум Николая он окутал еще

туманными мистериями на тему о царе и повелителе, которого ждет Восток, Тибет, Монголия и который явится в последнем воплощении дао-эхе — в белом царе.

Но были и государственные занятия. Наследник должен был присутствовать на заседаниях Государственного совета и изучать здесь на практике науку управления государством. Не тянуло наследника к заседаниям. «Сегодня не было заседания Госуд[арственного] Совета, и я этого не оплакивал», — простодушно записал Николай в своем дневнике. Об умственных интересах записей в дневниках мы не находим. Совершенно нет упоминаний о прочитанных книгах, о каких-либо беседах на отвлеченные темы. Круг интересов, которыми жил Николай в своей молодости, крайне ничтожен, незначителен. Влияний сколько-нибудь благотворных и крупных он не испытывал. От родителей он тоже ничего не мог усвоить, да по духовной части мало что мог дать Александр III. В этой среде складывалось миросозерцание будущего императора и самодержца. Миросозерцание в конце концов оказалось средне-офицерским и даже просто средне-армейским. Николай стал царем раньше, чем можно было этого ожидать, и так и застыл в этом миросозерцании, и никакие уроки, ни роковые события царствования не внесли изменения.

Не лишнее привести характеристику, которую мы читаем в дневнике очень тонкого наблюдателя, впоследствии министра иностранных дел, графа Ламздорфа.

«Что бы не говорили, а его императорское высочество не вырост и не возмужал. Это довольно миловидный офицерик: белая, отороченная мехом форма гвардейских гусар ему идет, но в общем вид у него такой заурядный, что его трудно заметить в толпе; лицо его не выразительно; держит он себя просто, но в манерах нет ни элегантности, ни изысканности».

6

Весь в кругу семьи, поглощенный повседневными и однообразными утехами, Николай не воспитал вкуса и не приобрел интереса к жизни страны, народа, общества. Дневники поражают решительным отсутствием каких-либо записей о явлениях общественной жизни. Страна пережила в 1891–1892 годах голод и медленно начинала оправляться от его последствий в следующем году. И вот девизом Нового года наследник берет

пожелание своего отца: «Дай Бог, чтобы наступивший год прошел так же счастливо и спокойно, как прошлый». Но этот год принес крупнейшие события. Заболел Александр III; его болезнь выдвинула вопрос о женитьбе наследника. Николай был верен своим мечтаниям об Алисе Гессенской, и на этот раз родители должны были уступить желаниям сына и дать согласие на брак. Трудно сказать, кто больше хотел этого брака — Николай или Алиса. Маленькая немецкая принцесса, гостившая при русском дворе у своей сестры Елизаветы Федоровны, бывшей замужем за великим князем Сергеем Александровичем, не могла не отдать предпочтения широким русским горизонтам в сравнении с мизерной немецкой жизнью провинциальных принцесс. Она достигла своей цели, стала невестой наследника русского престола. В апреле 1894 года Николай с блестящей свитой, в сопровождении своих дядей — великих князей Владимира, Сергея, Павла, покатыл в Кобург делать предложение Алисе. Первое объяснение состоялось 5 апреля. «Нас оставили вдвоем и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно». Но религия была, конечно, препятствием мнимым, и через три дня была объявлена помолвка. Привожу запись Николая: «8 апреля. Чудный, незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Алике... Мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какой радостью удалось обрадовать дорогих папа и мама! Я целый день ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось! Вильгельм сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями. Сейчас же пошел с Алике к королеве (английской, Виктории) и зашел к тете Мари, где все семейство долго на радостях лизалось». — Так вошла в жизнь Николая Алиса Гессенская.

Через две недели после помолвки Николай поехал в Россию, а Алиса вместе с королевой Викторией в Англию. В июне 1894 года наследник на яхте «Полярная звезда» совершил путешествие в Англию и провел несколько недель с невестой. Здесь произошло сближение с Алисой. Блаженное житье, хорошие, тихие вечера вдвоем с душкой Алике и т. д. Николай показал невесте свои дневники; не понимая языка, она испещрила их записями о своей любви на немецком и английском языках. Записи —

смесь сентиментальных излияний с религиозно-нравственными изречениями, свидетельствующая о наличии в чувстве религиозно-сентиментальной эротики: «Господь — любовь; ангел-хранитель — жаркий поцелуй; горячие молитвы — Господь ведет нас; я мечтаю о поцелуях, которые остаются навсегда». — Повышенный и обостренный эротизм на религиозной почве с патологическим оттенком характеризует любовное чувство Александры Федоровны на всем протяжении ее жизни с Николаем.

Этим чувством она захватила Николая навсегда; были измены, но основная верность была отдана ей. Николай подчинился не только сладкому влиянию чувства, но и уму своей суженой. Она была умнее, много умнее Николая и образованнее. Она знает свое умственное превосходство, но не дает заметить его. Она постепенно устраняет, одно за другим, все духовные влияния на Николая и приблизительно к середине царствования становится единственным властителем его дум.

7

В сентябре осложнилась болезнь Александра III. Врачи отправили его в Крым. Семья переехала туда же. А в октябре родители разрешили сыну выписать невесту. Между заботами об отце и тихими любовными радостями протекали октябрьские дни 1894 года. Алиса уже усвоила основы православной веры, уже вышивала воздушы для Даров в день, когда она должна была причащаться по православному обряду, а Николай, заменяя отца, читал бумаги министров. И вот у одра умирающего отца начался удивительный и тончайший процесс воздействия на Николая. Маленькая немецкая принцесса сразу осмотрелась в новой обстановке, сразу увидела, что ее будущий муж вовсе не занимает среди своей семьи подобающего наследнику престола положения, что на него смотрят как на доброго, покладистого молодого человека, которому не до дел, не до власти. Раскрыв 16 октября свой дневник, Николай нашел в нем запись по-английски, сделанную рукой невесты. Вот она: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко! Будь стойким и прикажи д[октору] Лейдену и другому Г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его

делать то, что нужно. И если д[окто]ру что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!» Эта формула внушения, впервые примененная в 1894 году, стала типичной в отношениях Александры Федоровны к Николаю. Их переписка прямо пестрит неоднократными повторениями этой формулы. И через 22 года, в феврале 1917 года, жена повторяет мужу ту же фразу: «Твори свою волю...» В действительности, делай, что я хочу, но думай, что этого хочешь ты.

Первый опыт применения внушения открывает нам и заветное ее желание. Принцесса Гессенская жаждала *власти, власти*; вдруг почувствовала, что ее жених не имеет настоящего вкуса к власти, и тут же поставила целью жизни привить ему свое властолюбие. Можно с категоричностью утверждать, что не встретить Николай на своем пути Алису, история его жизни сложилась бы совсем по-иному.

20 октября 1894 года умер Александр III, императором и самодержцем всея Руси стал двадцатишестилетний Николай. 14 ноября состоялось бракосочетание, и Алиса Гессенская стала русской императрицей. О ней говорили, что она въехала в Россию с гробом Александра III. Она никому не понравилась, гордая, неприятная, враждебная. Родственники не полюбили ее, придворные тоже. Молодая царица оставалась одинокой. Единственная опора — муж. Тем острее и напряженнее процесс психологического на него воздействия.

Николай — царь! Молодость окончилась. Началась стезя императорская.

В первые же дни царствования министр финансов, знаменитый С. Ю. Витте, разговорился с министром внутренних дел И. Н. Дурново. Витте вспоминает:

«Мы были, конечно, в довольно тяжелом и грустном расположении духа. Вот И[ван] Н[иколаевич] обратился ко мне и говорит: “Что же вы, С[ергей] Ю[льевич] думаете относительно нашего нового императора?” — Я ответил, что о делах говорил с ним мало, знаю, что он совсем неопытный, но и не глупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II, таким он

и остался. Воспитание это скрывает все его недостатки. На это И. Н. Дурново мне заметил: “Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня — это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности”. Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, император Николай II не Павел Петрович, но в его характере немало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство)».

Победоносцев, бывший преподавателем Николая II, высказывался неопределенно о своем ученике и больше всего боялся, чтобы он по молодости своей и неопытности не попал под дурное влияние.

Глава II Царское служение

1

Александр III наследовал своему отцу, разорванному бомбой революционера. Самодержавие сотрясилось в своих основах, и несколько недель молодой царь колебался меж двумя политическими курсами — пойти на уступки, дать какое-то почти призрачное представительство или отрясти прах от каких-либо либеральных начинаний и загнуть по старинке, по дедовским обычаям. Александр III выбрал второй курс, и через тринадцать лет царствования он мог констатировать «успокоение» страны. Тишь да гладь, а о революции и не слышно. Николаю II не пришлось и раздумывать о политических курсах. Оставалось идти по стопам в Бозе почившего. В манифесте о восшествии так и значилось: «Мы в этот скорбный и торжественный час вступления нашего на прародительский престол Российской империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого княжества Финляндского вспоминаем заветы усопшего родителя нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных». Кажется, никогда в истории не была действительность так далека от воплощения намеченной в манифесте единой цели. Царствование Николая оказалось самым воинственным, разрушило могущество и славу царской России и расстроило счастье верноподданных всех классов.

Николаю оставались для руководства и наставления заветы родителя, и конституционные поправки, идеи, веяния просто не воспринимались его сознанием, он оставался к ним нечувствительным. Он был искренен, когда, прочитав присланный ему конституционный доклад в первый месяц царствования, написал на нем «чепуха». Либеральные общественные круги, здорово разбитые реакцией Александра III, собрались было с духом и попробовали представить молодому царю пожелания введения самых скромных конституционных навыков. Николай дал отпор с места. Принимая 17 января 1895 года депутации от дворянства, земств и городских обществ, царь сказал свою замечательную речь о бессмысленных мечтаниях: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому, но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный родитель». Очевидцы рассказывают, что Николай читал речь по бумажке, а бумажка лежала в шапке, которую он держал перед собой. Читал тихо, немного волнуясь, а прочитав, сказал вдруг неестественно громко, как бы обидевшись: «Я говорю это громко и открыто». В дневнике он записал: «Утомительный день... Был в страшных эмоциях перед тем, чтобы войти в Николаевскую залу к депутациям... которым я сказал речь».

Этой программе охраны начал самодержавия Николай и был верен, только охранял он их нетвердо и с уклонами, но в душе, в чувствах, в разуме он был самодержцем.

2

Николай начал царствовать, начал управлять огромным государством. В чем заключалось управление, какие функции надо считать царскими? Он не был подготовлен к управлению и был всего лишь кустарем, но он не испугался царской работы и скоро овладел механизмом царского управления. Порядок был заведен. Царь принимал министров и выслушивал их доклады в назначенные часы, а затем читал так называемые всеподданнейшие доклады. С начала царствования в дневнике появляется новое

слово: читал, читал, читал. Откуда такой вкус к чтению? Но это чтение особое — как раз всех этих докладов, рапортов, отчетов. Оно производило удручающее впечатление на Николая, он изнемогал под бременем чтения, но делать было нечего: он хотел добросовестно отправлять царскую службу. Взялся за гуж. Записи дневника отразили борьбу царя с бумагами». Читал без конца губернаторские рапорты»... «Безжалостно много бумаг для прочтения»... «Одолеваю отчет Государственного Совета»... «Вечером окончил чтение отчета военного министра — в некотором роде одолел слона»... «Много пришлось читать: одно утешение, что кончились заседания Комитета министров»... «Опять начинает расти та кипа бумаг для прочтения, которая меня так смущала прошлой зимой»... «Очистил кипу бумаг»...

Читал Николай доклады по всем отраслям управления: самодержец должен быть специалистом по всем вопросам. Но надо было еще оставить и видимые доказательства прочтения бумаг. Практика выработала ряд общих мест, трафаретных фраз, которыми царь отделялся при чтении бумаг. Особенно в первые годы царствования выручали эти общие места, эти битые трафаретные слова и фразы. Вот они, залакированные, глядят на нас со страниц бесчисленных всеподданнейших рапортов и свидетельствуют об умственных трудах монарха: *вполне справедливо; верно; и я то же думаю; очевидно; и я в этом убежден; весьма полезно; согласен; что-нибудь должно быть сделано; важный вопрос; надо рассмотреть; утешительно; грустно; надеюсь — так и будет; но почему* и т. д. Надо еще отметить, что все эти сентенции в огромном большинстве случаев относятся как раз к самым обыкновенным случаям и не вызывающим иных заключений.

Пометы царя в конце концов бессодержательны, но их можно было ставить без особой затраты умственной энергии. Хуже было, когда приходилось давать заключение на устные доклады министров, да еще когда этих докладов было не один, а два и больше. В один такой день, после трех докладов, царь «вышел походить поглупевшим» — так он записал в дневнике.

3

Еще хуже было с речами. Монарху должно было выступать со своим царским словом. На первых порах речи давались ему с превеликим трудом и волнениями. Умственный труд был

мучителен для Николая — эту особенность его духовной личности надо настойчиво подчеркнуть. «Утром встал с ужасными эмоциями, так как в 9 ½ должен был сказать несколько слов собравшимся. Это сошло, слава Богу, благополучно». Еще запись: «Пришлось говорить при приеме депутаций — голова кругом ходила, погулял немного по саду». Но и тут ораторству Николая пришли на помощь опять трафареты. В 1906 году было издано, по официальным данным, «Полное собрание речей императора Николая II». Книжка эта, измышленная социалистами-революционерами, была немедленно конфискована, ибо нельзя было придумать большей иронии над опытами царского красноречия. «Собрание речей» поразительно убожеством их содержания и формы. Сердечно благодарю за прием, пью за здоровье и преуспеяние дорогого мне (такого-то) дворянства, пью за здоровье и процветание (такой-то) бригады и т. п. Вот речи размером побольше: «Я уверен, что вы (л.-гв. резервный пехотный полк) будете так же честно и славно служить, как служили деды и отцы»... Или: «С удовольствием принимаю ваш хлеб-соль; уверен, что будете сохранять такие же верноподданнические чувства и впредь. Передайте мою благодарность вашему (киргизскому) народу»... Или: «Я рад быть в Москве хоть несколько часов в минуту серьезных испытаний». Такие речи с изменениями в обращениях Николай говорил многократно; они спасали его от необходимости затрачивать умственную энергию на придумывание новых фраз.

Не сразу, понятно, овладел механизмом управления молодой царь. Помимо формы была и какая-то маленькая сущность, которой не всегда могли научить и заветы Александра III. Но тут пришли на помощь и испытанные слуги государевы — министры и признанные отцом авторитеты, от них же первым был К. П. Победоносцев. Первые годы он следил, как бы Николай не подпал дурным влияниям, и обучал его искусству царствовать. Советы Победоносцева Николай принимал с благодарностью. Только через несколько лет, когда Николай осознал, что он заправский царь, что он уже овладел всеми кунштюками управления, он стал тяготиться влиянием окружавших его сановников и устранять от общения с собой всех умственнее его превосходивших. Надо отметить, что духовная руководительница царя, его жена, первые годы ушла с головой в семейную жизнь, в воспитание детей, и политикой не интересовалась и в дела управления не вмешивалась.

Так, год за годом «совершенствовался» в царской службе Николай II. Времяпрепровождение в царском быту в первые годы мало изменилось. Родственники, выезды, обеды. Для утех осталось мало досуга, да и утех теперь пошли семейные. Прогулки с женой, катанье на коньках, развеска пошлейших картинок по стенкам, составление альбомов и охота... Выпивки, не столь частые и обильные. Вот чем заполнялись часы, свободные от «чтения» — от службы царской. Но и этой идиллии скоро должен был прийти конец.

Глава III Царева мудрость

1

Источником для выяснения взглядов и мнений Николая II по важнейшим вопросам управления могут послужить многочисленные резолюции, которые царь писал на представляемых ему докладах и рапортах. Впрочем, прежде выражались высокоофициозным языком: «его императорскому величеству собственноручно благоугодно было начертать». Все самые маленькие резолюции, даже просто отметки покрывались сейчас же лаком для вечного хранения в назидание и поучение потомству. Когда приходится бегло пересматривать царские резолюции на всеподданнейших докладах по разным ведомствам, первое впечатление от высочайших собственноручных отзывов — их незначительность, несущественность, банальность; этому впечатлению соответствует и обилие трафаретных восклицаний, слов, фраз. Но среди сотен ничего не говорящих помет, бессодержательных резолюций вдруг мелькнет собственноручное восклицание, фраза, которые, как солнечный луч, прорезывают аравийскую пустыню царственных размышлений. Перед нами возникает царский облик: вот он, правитель великой страны! Но какой он маленький, этот Николай II, какой неоригинальный, повторяющий своего отца Александра III. У этого человека были твердые мысли, законченное мировоззрение, но оно далось ему без всякой борьбы, просто по наследству. Но, как в капле воды, оно отразилось в мировоззрении любого гвардейского поручика. «Не мною повелось», — мог бы сказать о себе Николай II. На основании просмотра множества всеподданнейших рапортов,

докладов, отчетов министров я извлеку перлы царской мудрости — его резолюции, иногда даже сентенции, которые в своей совокупности дадут не один яркий штрих к характеристике царского облика.

2

«От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, перед престолом Его мы дадим ответ за судьбы державы Российской» — вот мистическая формула неограниченного самодержавия, замечательная своей яркой нелепостью, своим бессодержательным нигилизмом. В сущности — власть ниоткуда и не перед кем за нее отчитываться. Если по временам в царских волеизъявлениях и звучит нота устройства счастья верноподданных, блага народа, то ведь по другой формуле сила и крепость Руси в единении царя с народом, и следовательно, царь устраивает счастье народа по своему усмотрению. И даже когда пришлось — хочешь не хочешь — отречься, и тут нашлись слова: «Я-то отрекись, но не думаю, чтобы это полезно было для моих подданных, принесло благо народу». О том, каких благ желал царь своему народу, красноречиво говорят царевы резолюции.

Раз власть от Бога, а царь по прямой линии Божий наследник, Николай II был самого высокого мнения о своем я.

27 сентября 1912 года военный министр генерал Сухомлинов докладывал царю об обеспечении церковными причтами некоторых частей войск гвардии и испрашивал высочайшего соизволения «на признание невозможным обеспечить в настоящее время церковными причтами те части, которые их по штатам не имеют». Как на причину Сухомлинов указывал на отсутствие денежных средств: «Едва ли последует согласие Министерства финансов и государственного контроля на ассигнование новых кредитов», — сомневался министр. Царь надписал: «Военное ведомство должно потребовать кредиты на удовлетворение важнейшей нужды в войсках. Упадок веры грозит началом нравственного разложения человека, особенно русского. *Тут мало значит мнение того или другого — раз я этого хочу*». Последние слова царь подчеркнул. А манифест 17 октября? Ведь эта резолюция написана позже манифеста. «Я этого хочу, так и должно быть».

3

С самодержавием тесно связано православие. Крепкую опору самодержавию Николай видел в религии. Только что приведенная резолюция как раз выражает твердое убеждение царя в огромном агитационном значении религии как средства обуздания народных масс. Упадок веры, по взгляду царя, ведет к нравственному разложению человека, а нравственное разложение неразрывно связано с ослаблением чувства подчиненности. «Горестно», — писал Николай на отчете владимирского губернатора за 1908 год против строк: «В среде самого православного населения, особенно сельской молодежи, за последнее время замечается упадок религиозности, сопровождающийся уклонением от посещения храмов Божиих и от исполнения установленных православной церковью обрядов». И понятно стремление к постройке новых церквей — новых очагов пропаганды устоев строя. «Вопрос о постройке церквей в Сибири, в особенности в новых поселках, очень близок моему сердцу», — начертал Николай на отчете томского губернатора за 1895 год. Раз речь зашла о взгляде царя на религию и церковь, нельзя не привести комической резолюции на отчете черниговского губернатора за 1896 год. «Истекший год, — пишет губернатор, — является важным в жизни города Чернигова и Черниговской губернии в том отношении, что в течение его, с высочайшего всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения, 9 сентября состоялось открытие честных мощей святого Феодосия Черниговского». Царь пометил: «Знаменательное явление благодати Божией». Получилось противоречие: благодать Божия явилась... с всемилостивейшего на то разрешения.

Царское православие тесно связано с антисемитизмом. Николай II был матерым антисемитом. Это положение не требует доказательств и иллюстрируется рядом резолюций. Губернаторы Западного края, да и не только Западного, часто играли на любимой струне царя, зная его антисемитизм и выдвигая наперебой то одно, то другое средство борьбы с еврейским засильем. Одному губернатору показалось, что борьба с еврейским засильем возможна лишь с уменьшением экономической зависимости крестьян от еврейских капиталов. В этом направлении, по мнению губернатора, многое может быть сделано распространением сети

учреждений мелкого кредита. Царь следует за этим беспомощным мнением: «Да, должно быть сделано». Другому губернатору пришло в голову, что широкое развитие школьной сети могло бы дать сильное оружие для борьбы с эксплуатацией еврейством. «Разумеется», — пишет царь. Третий губернатор рисует картину проникновения еврейского влияния... через свеклосахарные заводы. «Увеличение числа этих заводов на тех началах, на которых они возникают, нельзя не признать крайне нежелательным: большинство владельцев, не обладая достаточным капиталом, отдают свои земли под устройство свекло-сахарных заводов товариществам и обществам, пайщиками которых являются большею частью евреи; последние сперва участвуют в предприятии лишь своим капиталом, а затем проявляют и свое личное влияние на ход производства, служащими на заводы приглашаются тоже евреи, а так как заводы имеют непосредственную связь с населением, то влияние еврейства распространяется на обширные районы». Глубокомыслие губернатора было вознаграждено пометой царя: «Обращаю на это серьезное внимание министров внутренних дел и финансов». Особенно тяготили евреи царя, когда они попадали в армию, почти так же, как рабочие. Командующий войсками Одесского военного округа в отчете выразился категорически (в 1902 г.) «по вопросу о нравственном состоянии войск»: «Худшим элементом являются евреи и фабричные рабочие». Царь присоединился к заключению: «Вполне в этом убежден». И когда херсонский губернатор указал на возможность возникновения мысли о необходимости освобождения евреев вовсе от зачисления в ряды войск, с заменой для них воинской повинности какой-либо другой, царь сразу воспринял эту мысль: «Вероятно, мы к этому придем».

4

Ясны и тверды взгляды Николая II на сущность и задачи народного образования.

Однажды полтавский губернатор похвастался школами своей губернии, которые все были приведены к одному знаменателю — и земские, и церковно-приходские. В своем отчете губернатор свидетельствовал, что «по духу и характеру преподавания все школы губернии, несмотря на различие наименований, ничем не разнятся между собой; как в общественно-земских, так и в цер-

ковно-приходских преподавание ведется на одной общей основе православия и преданности царю и отечеству». Отмеченные слова дали повод царю изложить свой взгляд по этому вопросу: «В сохранении этих начал, присущих каждому русскому сердцу, зиждется залог настоящего развития у нас народных масс».

Но для проведения такой школьной программы нужны учителя. Губернаторы, можно сказать, выплакали очи, присматриваясь к народным учителям. Харьковский губернатор во всеподданнейшем отчете поделился с своим монархом соображениями о народных учителях. Он указывает на очень малое количество учителей, которые были бы проникнуты истинным патриотизмом, религиозностью и любовью к родине, и высказывает мнение, что пока правительство не воспитает и не подготовит народного учителя, до тех пор школы, как бы они ни росли численно, не смогут воспитать народ и создать трезвое и трудолюбивое поколение. «В этом вся суть», — написал царь на полях доклада. Каких учителей хотели видеть в школах губернаторы? О, у них был высокий идеал. «Быстро растущие в количественном отношении школы только тогда сделаются светочами просвещения и нравственного возрождения народа, когда явятся и учителя, для которых понятия религии, патриотизма будут не пустым звуком, а самой сущностью их душевного склада». Царь дал оценку губернаторским грезам о народном учителе — «безусловно верно».

В поисках за учителями томский губернатор додумался до сельского писаря, который, по его мнению, мог бы ежедневно уделять несколько часов на обучение детей грамоте и молитвам. Но это практическое предложение было так далеко от воплощения идеала, что даже Николай II удивился и начертил следующую резолюцию: «? (на безрыбье и рак рыба!)».

5

Учителей подходящих было мало, и распространение образования среди крестьян и рабочих пугало Николая II. Он всем нутром чувствовал, что образование открывает народу глаза, и всячески старался ставить палки в колеса. Одно время земства развили большую деятельность в развитии школьной сети. Московский губернатор обращал в 1897 году царское внимание, что земство для осуществления общедоступности начального образования дает значительные материальные средства, и с лицемерной

осторожностью соболезнующе высказывал опасение, как бы усилившаяся в этом направлении деятельность земства не повлияла неблагоприятно на другие отрасли земского хозяйства или на платежные средства населения, как бы не были тягостны для населения увеличивающиеся из года в год земские расходы. «Это и мое мнение», — написал царь. С лукавым коварством докладывает царю губернатор, что «земства получают от казны пособие на обучение и, следовательно, принимают на себя обязательство перед правительством за правильное расходование этих средств, а не внушая детям надлежащих нравственных понятий, тем самым прямо нарушают это обязательство». Эти фразы отчета дали толчок мысли императора. «Это самый серьезный вопрос», — написал он на докладе. Вологодский губернатор обратил внимание на то, что земства стремятся сократить кредиты на церковно-приходские школы с целью увеличения числа земских школ. С искренним простодушием Николай выразил свои чувства: «Это мне сильно не нравится».

Весьма подозрительно относился он к идее всеобщего обучения. Не раз возникал в царствование Николая вопрос о введении всеобщего обучения. В XX веке трудно — даже Николаю — возражать принципиально против этой идеи, но ему она не нравится, и он всяческими способами хочет от нее отвертеться. Одно из самых ранних высказываний по этому поводу находим в смешной резолюции на отчете харьковского губернатора, который указывал, что губернское земское собрание ассигновало 200000 рублей на устройство новых школ и что оно имеет в виду создать удовлетворяющую потребностям населения школьную сеть и таким образом осуществить в губернии идею всеобщего обучения. «Мысль о всеобщем обучении, — пишет губернатор, — занимала также харьковское городское общественное управление, которое, впрочем, в отчетном году ограничилось принципиальными суждениями по этому вопросу, отложив окончательное разрешение его до всесторонней его разработки особо избранною на этот предмет комиссией». Не понравилось это рвение Николаю, и он изрек на полях против этих строк: «Лучше было бы, если бы городское управление занималось своими городскими делами, чем обсуждением такого обширного вопроса, как вопрос всеобщего обучения».

Все время окольным путем Николай хочет обойти этот вопрос. Витебский губернатор докладывает, что земство постановило

ввести в течение 10 лет всеобщее образование. Николай на полях отчета пишет: «А как справиться с нужным количеством надежных учителей при введении всеобщего обучения?» Курский губернатор доводит до царского сведения, что земство, стремящееся к введению всеобщего обучения, останавливается перед значительными затратами и вынуждено мириться с более узкой задачей и только стремится заполнить выработанную нормальную сеть школ. Царь отмечает: «Пока только это и желательно!»

В этих резолюциях чувствуется, как противна царю идея всеобщего обучения, но он сдерживается и не высказывается прямо против. Но вот наивный губернатор (олонецкий — в отчете за 1896 год) докладывает с восторгом, что за год в его губернии «открыто 117 новых народных школ, что это небывалое явление и делается все это в целях всеобщего обучения». Последние слова царь подчеркнул и против них написал: «Излишняя *торопливость совсем не желательна*». Последние три слова в резолюции подчеркнуты. Это уже прямая директива!

6

Но не только о церкви и школе для народа думал Николай II. Истинный сын своего отца, он от него перенял вкус к телесным наказаниям. Не так давно в сборнике «Музей революции» было дано воспроизведение резолюций Александра III о разумности, желательности и необходимости телесного наказания в применении, конечно, к рабочим и крестьянам. Николай идет и тут по стопам родителя. В отчете за 1909 год с.-петербургский градоначальник высказывает мнение о желательности заключения хулиганов в рабочие дома с особо строгим режимом. Николая не совсем удовлетворяет это предложение. Он пишет: «Да, или розги, как сделано в Дании». Датская розга — быть может, единственная из особенностей западного быта, которую Николай хотел бы пересадить в Россию. Степной генерал-губернатор в отчете за 1912 год указывает на необходимость усиления уголовной репрессии за проступки хулиганского характера. На полях отчета выразительная пометка русского монарха: «Розги!» Вологодский губернатор в отчете за 1911–12 годы указывает на необходимость, в целях борьбы с хулиганством, устройства рабочих домов, в которых хулиганы отбывали бы положенный им арест и отрабатывали бы своим трудом причиненные ими убытки. Против этого

указания царь помечает: «Да — после розог». Так реагировал Николай II на упадок веры и на процесс нравственного разложения человека, результатом которого является хулиганство.

Но некоторые явления народной жизни были отрадны царскому сердцу. «Введение питейной реформы, — писал в отчете за 1897 год виленский губернатор, — последовало вполне успешно и было встречено сочувственно всеми классами христианского населения». Царь начертал: «Прочел с удовольствием». А по поводу аналогичного указания в отчете полтавского губернатора за 1896 год царь написал: «Отраднo видеть такое сознание самого народа». Итак, для народа — церковь, розга и казенное вино!

Но один раз Николай II оказался в смешном положении в вопросе о народном пьянстве, когда прочитал в отчете степного генерал-губернатора следующие слова: «Нужно облегчить возможность закрытия казенных лавок по приговорам обществ, нужно, чтобы население перестало считать водку “царской”». Царь подчеркнул последние слова: «водку царской», очевидно, очень поразился, задумался и собственной его императорского величества рукой начертать соизволил: «Обратить внимание».

7

Николай II был, конечно, царем дворянским. Классовый характер его «самодержавной власти» предопределял его отношение к крестьянству и к самому главному крестьянскому вопросу — о земле. Подозрительно относясь к просвещению крестьянских масс, Николай желал внедрения религиозного сознания, которое прежде всего должно было усвоить священный принцип собственности. А крестьяне как раз не могли понять одного — священного права помещика на землю.

Крестьянский вопрос был неразрешим для дворянского царя. Земля, земля — вот что нужно крестьянам! А землевладелец — дворянин, а право собственности — священо.

Генеральша Богданович приводит в своих воспоминаниях любопытнейший разговор царя о крестьянах, имевший место в 1906 году. Царю сказали, что II Дума будет крестьянской. Царь высказал на это удовольствие, что крестьяне-де его любят. На это царю сказали, что крестьяне потребуют земли. Царь ответил: «Тогда им покажут шиш». На это пришлось сказать: «Они взбунтуются». Ответ царя: «Тогда их войска усмирят».

Покорное крестьянство, руководимое преданным дворянством, живущим на земле, — в этом направлении должен, по мнению царя, разрешаться вопрос.

Когда началась война и миллионы русских мужиков были брошены на поток и разорение, царские министры решили прийти на помощь крестьянской нужде... после войны. Суждения об этом в Совете министров происходили в марте и апреле 1915 года. Совет министров полагал, что необходимо сейчас же позаботиться относительно образования земельного фонда в несколько миллионов десятин для распродажи его после войны на льготных условиях наиболее отличившимся и наиболее пострадавшим чинам армии и флота. Такой фонд может быть образован из скупки Крестьянским банком колонистских земель и земель германских, австрийских и венгерских подданных и выходцев из земель, имеющих у Банка сейчас, из земель казенных, а также земель сибирских, кавказских и туркестанских. После войны эти земли продавать бывшим чинам армии и флота и выдавать им ссуды на обзаведение хозяйством. Царь отнесся с полным одобрением к проекту. «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса — наладить теперь же подготовку земель казенных».

Вот и все, на что могли надеяться крестьяне после войны!

8

Об отношениях царя к рабочим и рабочему вопросу красноречиво говорят следующие резолюции.

Гродненский губернатор в отчете за 1895 год докладывает, что в 1895 году мирное течение фабричной деятельности в Белостокском промышленном районе было нарушено забастовкой рабочих, толчком к которой послужило неправильное толкование закона 3 июня 1886 года, определяющего взаимоотношения фабрикантов и рабочих. «Хотя рабочим и разъяснялось, что закон направлен к ограждению прав рабочих от произвола фабрикантов, для чего и учреждается фабричная инспекция, однако закон был встречен с недоверием». По мнению губернатора, это движение рабочих, вызвавшее забастовку, представляло последствие влияния лиц, живущих вне России и старавшихся произвести смуту. В конце

концов дело ограничилось губернаторским посещением фабрик и разъяснением неосновательности поступков рабочих, без применения принудительных мер. В заключение губернатор доложил царю свое сантиментальное размышление: «Настоящий случай обнаружил, как мало, к сожалению, распространено просвещение среди рабочих, стоящих, однако, по своему развитию вообще выше простых земледельцев. Если б рабочая масса была более развита, она, без сомнения, не поверила бы навейному извне извращенному и ложному толкованию закона и только с признательностью отнеслась бы к заботам правительства о них». Царь оказался дальновиднее простодушного губернатора: мы знаем, что народного образования он определенно боялся. На полях доклада он изложил свое мнение по поводу заключения губернатора: «Это не верно: *стачки выдумала образованная Европа*».

В 1897 году екатеринославский губернатор в отчете указывал, что развитие горнозаводской и фабричной промышленности в нравственном отношении дало отрицательные результаты: с одной стороны, громадный прилив пришлых рабочих «пагубно повлиял на местное население, в особенности на молодежь, которая, отстав от своих патриархальных обычаев, стала предаваться разгульной жизни, легко доступной, *благодаря крупному заработку на заводах*, с другой стороны — не установившиеся отношения между владельцами и рабочими дают повод к частому возникновению недоразумений, легко переходящих в крупные беспорядки». Против указания на высокий заработок царь написал: «Обращаю на это самое серьезное внимание министра финансов».

Николай смотрел в корень вещей. Поменьше образования для рабочих (от него стачки), поменьше заработка (от большого заработка разгул и вольная жизнь), но зато побольше фабричной полиции. Владимирский губернатор в отчете за 1897 год докладывает царю о волнениях среди рабочих и намечает следующий вывод: «Представлялось бы крайне желательным и вполне правильным при настоящих условиях фабрично-промышленной жизни создать специальную фабричную полицию (против этих строк царь написал: “Что сделано в этом смысле?”)... установив определенные нормы для определения ее численного состава, сообразно с числом рабочих».

Это заключение понравилось царю, и он положил резолюцию: «Скорейшее создание такой полиции настоятельно необходимо». Последние два слова им подчеркнуты.

Аналогичные резолюции можно прочесть на ряде губернаторских отчетов. Так, губернатор пишет, что в среде рабочих замечается недоверие к заводчикам и представление о громадных прибылях, полученных хозяевами путем эксплуатации рабочего труда, а при таком положении дел малейшее недоразумение между фабрикантами и рабочими влечет за собой необходимость немедленно принимать самые серьезные меры для предотвращения возможных крупных беспорядков, и администрация должна быть настолько сильна, чтобы иметь возможность предупредить печальные столкновения. «Для достижения сего необходимо усилить штаты полиции в районах наибольшего сосредоточения заводско-фабричной деятельности, к чему мною уже приняты меры», — пишет губернатор. Царь отчеркивает эти строки и на полях против них пишет: «Следует теперь же».

Срочное введение фабричной полиции представлялось царю средством разрешения рабочего вопроса. Примитивное политическое мышление на этом и застывало. Царь органически был неспособен, не хотел продумывать рабочий вопрос ни в целом, ни в деталях. Отмахнулся фабричной полицией и успокоился. По примитивности подхода это заключение напоминает беспримерное по своей нелепости мнение о том, как оградить войска от тлетворного влияния революции. Один из умных командующих округом после революции 1905 года, исходя из того положения, что гражданская свобода и борьба партий не должна касаться армии, предложил для ограждения армии «устроить отдельные новые казармы, а старые ограждать заборами». — «Безусловная истина», — написал царь против последней фразы.

9

Такова немудреная мудрость царская. С этой мудростью, с этим багажом резолюций правил Николай великой страной два десятка лет с лишним. Обыкновеннейший из обыкновенных гвардейских поручиков оказался на престоле в самые ответственные, необычайные исторические моменты. Его положение напоминает положение человека, который, зная только арифметику, должен решать задачи по теоретической механике. Проществовав 17 лет и усвоив теорию и практику государственного управления, Николай выразил в сжатой форме основной принцип управления: «...я нахожу, что дальнейшее экономическое преуспевание населения может

быть обеспечено лишь последовательным, неуклонным надзором за тем, чтобы неблагонадежными элементами население не увлекалось в сторону несвойственной народу политической жизнью и социальными учениями. Облечение власти на местах достаточными полномочиями в борьбе с такими элементами, вносящими в жизнь народа смуту, является безусловно необходимым». Вот здесь-то и подарил перлом царской мудрости Николай. «Предупреждать и не опаздывать. В этом вся суть управления!»

И всем своим царствованием, всем своим управлением Николай блестяще оправдал истину своего афоризма. Он ничего не предупредил и всюду опоздал. Из цепи непрерывных опозданий сложилась и история его отречения от престола.

Глава IV

Основная черта душевного склада

1

Обыкновенный, «ниже среднего» человек должен заниматься трудами царствования. Он и занимается ими как чиновник. Без особой охоты, без любви, даже без особого вниканья в смысл работы. Николай II аккуратно являлся ежедневно на царскую службу и справлял ее. Он овладел внешними приемами управления; багаж сведений, потребных для управления, как мы видели, был невелик, даже просто скуден. Образование, полученное им, не давало содержания навыкам управления; эту мудрость он воспринимал практически — по стопам родителя, по стопам многочисленных родственников, по заветам старших сановников, из них же первым был К. П. Победоносцев. С течением времени круг советников расширился; в него вошли люди, никоим образом не уполномоченные на руководство русским самодержцем — престижитаторы, шарлатаны, старцы, аферисты. Об этом надо говорить обстоятельно, а пока достаточно подчеркнуть *необыкновенную обыкновенность* Николая II. Надо помнить, что ежели человек знает несколько арифметические действия, то алгебраических и геометрических задач он решать не может. Можно было бы предъявлять требования к Николаю, но взятки гладки, взять нечего. Современников, приходивших с ним в соприкосновение — иностранных дипломатов, соотечественников, достаивавшихся аудиенций, царь обманывал внешней мане-

рой обращения — необычайным лоском, утонченной вежливостью и тонким воспитанием. У Николая была наследственная особенность Романовых: подобно Александру I, Николаю I, Александру II, он шармер, прельститель, когда это ему нужно. Собеседники выходили очарованные и не знали, как объяснить распространенные слухи о внутренней некультурности царя, о ничтожности его образования, о непритязательности его вкусов. А слухи подтверждались его ближайшими сотрудниками — министрами, которые при частых встречах могли составить представление уже не по внешности только.

С этой серостью, обыкновенностью в полном соответствии находится одна черта характера Николая, имеющая существеннейшее значение для объяснения его поведения в самые трагические моменты его царствования. Не надо доказывать, что на царствование самого маленького из Романовых пали, несомненно, самые крупные события в истории Русской империи, события, грандиозности которых историк может только дивиться и поражаться. И что же, что же? Все эти события оставляли Николая совсем непоколебленным; они, как облака, проходили мимо него; лучше сказать, он проходил мимо них, как будто не замечая их. У него не было чувства восприимчивости; средний, малоразвитый обыватель был наделен этим чувством в гораздо большей мере, чем Николай II. Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека. Невосприимчивый, нечувствительный, Николай был еще малосознательным в том смысле, какое дает этому слову современность. «Несознательный ты, право!» Рабочий был несознательным, а затем задумался, поработал мозгами и начал превращаться в сознательного, а Николай II как вступил на престол несознательным самодержцем, так и остался таким несознательным на все свое царствование.

Витте подметил эти свойства характера Николая. «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит. Его чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени». Если Витте и пристрастен к своему царю, то вот еще свидетель из другого лагеря царедворцев — Рыдзевский, товарищ министра внутренних дел, заведывавший полицией. «Царь более чем индифферентно относится ко всему,

что творится в России (в конце 1904 года!); он ничего не понимает. На все тревожные донесения, которые ему представляются, он только делает пометку красным карандашом, из которой видно, что он их читает, но затем ни слова ни с кем про них не говорит, ничего не спрашивает, не советуется».

2

Несознательность, нечувствительность, невосприимчивость основательно документируются и ярко иллюстрируются, прежде всего, высказываниями самого царя в его дневниках. Уже самый внешний вид дневников, написанных почерком удивительно ровным, четким, неизменным с первого дня до последнего, свидетельствует об удивительной душевной невозмутимости писавшего. А содержание дневников так же ровно и однообразно, как почерк, как аравийская пустыня. Замечателен один и тот же на всем протяжении фон царских записей — заметки о погоде; царь не может обойтись без них; с усердием любителя-метеоролога, сидящего на захолустной метеорологической станции, записывает царь состояние погоды. Чем-то примитивным веет от этого постоянного сопоставления изменений в природе и событий в жизни автора дневника! Однообразному фону записей соответствует однообразное отношение решительно ко всем событиям, записанным в дневнике. Равнинность дневника моментами становится даже страшной.

Ну, вот запись, сделанная 15 июля 1904 года. В этот день случилось событие, выходящее из ряда обыкновенных: был убит Плеве, министр из тех, на кого Николай возлагал свои надежды. Смерть Плеве тоже была необыкновенная: разорвало бомбой. Что же записал и как себя чувствовал Николай II? Записал: «Утром П. П. Гессе (дворцовый комендант. — П. Щ.) принес тяжелое известие об убийстве Плеве брошенной бомбой, в Петербурге, против Варш[авского] вокзала. Смерть была мгновенная. Кроме него убит его кучер и ранено семь человек, в том числе командир моей роты Семеновского полка кап[итан] Цветинский — тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра вн[утренних] д[ел]. Строго Господь посещает нас своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг!» — Так записал, а что чувствовал или, вернее, чувствовал ли предоставляем читателю судить по окончанию записи: «На то Его

святая воля! Тетя Маруся завтракала. Принял Муравьева с подробностями этого мерзкого случая. — Гуляли с мама. Покатался с Мишей в море. Обедали на балконе — вечер был чудный». — Вот и все, все мысли, чувствования Николая II. Вкус к жизни и к маленьким удовольствиям не понизился ни на одну десятую градуса.

Плеве убили не на глазах, у Варшавского вокзала, а вот смерть в своем дворце: «Утром нашей подъемной машиной был придавлен до смерти несчастный машинист по собственной неосторожности». Замечательно, что царь отмечает собственную неосторожность рабочего, а затем он сохраняет полнейшее равнодушие: «Гулял долго. Погода холодная, ясная»...

Нельзя не вспомнить о возмутительных по своему хладнокровию записях о событиях 9 января 1905 года. «9 января. Воскресенье. Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца», — записывает царь. Обратите внимание на несознательность царя: желание рабочих дойти до Зимнего дворца, в котором не было царя, мыслится им как действие преступное, достойное наказания. Дальше следует хладнокровная и убежденная фраза: «Войска должны были (но почему? — П. Щ.) стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых». Дальше обычная сакраментальная формула, спасающий трафарет: «Господи, как больно и тяжело!» А затем возврат к утехам жизни, к сладкой царской обывательщине: «Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей». Значит, как раз во время расстрела Николай с семьей истово молился Богу, а потом принимал пищу. А на другой день все было уж совсем хорошо: «Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрой. Гулял. Пили чай у мама». Ну, ясно: чувствительность ниже нормального уровня и полная невосприимчивость.

«Нечувствительность» Николая разительна в его отношениях к войне.

3

Все Романовы любили военные занятия и воображали себя людьми военными и полководцами, верховными вождями христоролюбивого воинства. И Николай II также мнил себя военным специалистом и жалел только о том, что престол российский

застиг его в чине полковника и он не мог уже повышаться в военных чинах. Подобно своим предкам-царям, относился он к военному делу поверхностно. На первом плане для него была внешность, качество войск определялось на смотрах, и смотры, парады, полковые праздники были любимым развлечением Николая II. Эти воинственные зрелища подымали «дух» царя. «Выправка, равнение, тишина в строю и церемониальный марш были поразительны — радостно было смотреть», — записывал царь в дневнике. Здесь-то тысячи глаз, тысячи муштрованных взоров впивались в него, и он, центр настороженного внимания, именно здесь сознавал себя властелином и самодержцем, верил в гипноз своего имени и власти.

Любил Николай смотры и парады военных частей. Все смотры были, как один, и тем не менее царь всегда давал каждому по несколько строк в своем скупом дневнике. «Прохождение было отличное — часть представилась отлично — церемониальный марш был отличен» и т. д. И быт установился прочный, перед фронтом царь выпивал чарку вина или объезжал солдатские столовые, затем царь снимался в общей группе с офицерами, а потом царь принимал завтрак или обед в офицерском собрании. Речь, конечно, идет о привилегированных, столичных полках. Здесь в кругу преданного и высокородного офицерства можно было позволить себе и отступления от норм тихой, семейной жизни, можно было вспомнить времена юности и ранней молодости. «Провел (в офицерском собрании Уланского полка) 2 ½ часа самым приятным образом. Ничто меня так не подбадривает, как посещение воинской части», — записывает царь. Действительно, в собраниях предлагалась роскошная закуска и обильная выпивка (все эти случаи отмечал Николай на память). Тут уж царь разрешал себе вино и елей. «Объехав все столовые нижних чинов и порядочно нагрузившись водкой, доехал до офицерского собрания. Здесь был большой завтрак». «Намок», «нагрузился» — обычные термины, которые пускал в ход Николай для описания своего состояния в дни парадов и смотров.

Так было в мирное время, а во время войн учащались смотры, и царь разъезжал по России, осматривая отходившие на войну части. Прибавлялась к быту еще одна церемония: благословение уходящих на войну иконами, которые предварительно выбирались им вместе с женой. Таким образом, и царица принимала участие в военных занятиях. Особенно много икон и образов было роздано

царем в Японскую войну. Верховный вождь русской армии пребывал в столице и выезжал временами по русской провинции, благословлял части образами и иконами. Здесь начиналось и оканчивалось его соприкосновение с войной, на которую он посылал десятки и сотни тысяч русских мужиков. Мужики шли и умирали не столько от вражеской руки, сколько от неустройств и неурядиц, созданных плохим управлением плохих генералов, тоже получивших благословения верховного вождя. Мужики гибли на суше и на море; российское воинство претерпевало неслыханные поражения, но как переживал все это самодержец, безоглядно и неосмысленно ринувшийся в авантюру на Дальнем Востоке!

4

Тут, при разрешении этого вопроса, мы сталкиваемся с основной чертой душевного склада — невосприимчивостью и нечувствительностью. Трагическая сторона войны была чужда Николаю до смешного. Точно солдаты были деревянные и испускали игрушечную кровь.

В период Японской войны Николай чувствовал себя на редкость хорошо и физически, и душевно. Быть может, 1904 год с этой точки зрения был самым выдающимся. Александра Федоровна была беременна, не в первый, правда, раз, но зато теперь уже по всем предсказаниям должен был появиться мальчик-наследник. Сам Николай, 35-летний мужчина, был в расцвете своих физических сил и здоровья. Радости жизни воспринимались с упоительной обостренностью. С каким тщательным вниманием заносит он в дневник свои чувства по поводу прогулок и всяких физических занятий. Он замечательно убежденно заботился о своем здоровье. Государственные занятия были для него тягостны, особенно чтение докладов. Нередко бывали дни, когда он помечал в дневнике: «От всего этого (т. е. чтения бумаг) окончательно ослаб головой» или «был в размягченном виде». Прогулки исцеляли его от головной слабости. Прогулка по временам осложнялась: царь то ездил верхом, то катался на велосипеде. Во время прогулки стрелял ворон. Стрельба по воронам была любимым удовольствием Николая, в известной мере заменявшим охотничьи радости. И обо всяком убийстве вороны царь записывал в дневник. Особенно много расстрелял ворон Николай в 1904 году в Японскую войну. Странный параллелизм явлений: японцы («паршивый враг», —

выражался Николай) там, на полях Маньчжурии, уничтожали русских мужиков, а здесь, в Царском Селе, властелин, пославший их на убой, с восторженным упорством предавался уничтожению ворон. «Гулял долго, убил ворону... Гулял долго и убил двух ворон... Ездил на велосипеде, убил двух ворон, вчера одну... — продолжал прогулку и убил пять ворон...» А еще Николай любил кататься на моторах и на байдарках, один и с родственниками. Возился с собаками у моря: погулял с Мишей (вел. кн. Михаилом Александровичем) вдоль моря, ища уток; гуляли с мама, искали грибов; летом «баловался» в речке, по которой ходил голыми ногами; ранней весной гулял и работал над остатками снега в теневой части сада. Любил поиграть с собаками и испытывал искреннюю скорбь при потере любимых собак. Однажды он счел необходимым информировать своего дядю — великого князя Владимира Александровича: «Месяц тому назад у меня случилось небольшое, но чувствительное горе: я лишился своего верного пса Имана».

А на Востоке умирали русские люди, отнюдь не причиняя чувствительного горя «августейшему» сердцу.

5

В эпоху Русско-японской войны чисто военные инстинкты верховного вождя русской армии удовлетворялись, так сказать, в проекции. Расстрел ворон и охота. Охота прежде всего. Нарочито подготовленная искусными царскими егерями в заповедных местах, где плодилась дичь для царской забавы, охота была, в сущности, бойней и давала обильную добычу. Вот охоты осенью 1904 года, той осенью, когда на театр военных действий отправлялась несчастная эскадра адмирала Рожественского, 7 октября охота в Елисаветинской даче за Гатчино. С царем поехало 8 охотников. «Погода стояла отличная, тихая, без солнца. Всего убито 490 штук. Мною: 10 тетеревей, рябчик, куропатка, 2 русака и 45 беяков, вальдшнеп, всего 60 штук». 14 октября облава в Туганицах. «Облава была удачная, летела масса пера... Всего убито 210 штук. Мною: 11 тетеревей, с [ерая] куропатка, вальдшнеп» и т. д., всего 27 штук. «Во время третьего загона получил телеграмму Рожественского о приходе в Виго с отрядом броненосцев». 21 октября облава за Бабигоном. Убито 511, царем — 50. 11 ноября охота в Знаменском фазаннике, началась в 10½, кончилась в три, с часовым перерывом для завтрака,

значит, продолжалась 3 ½ часа. Царь убил 144 фазана, а всего вместе охотники 506 фазанов. 18 ноября царь убил двух хороших лосей на месте, 24 ноября — одного лося с хорошими рогами, но с 4 отростками. А глухариные тока <...> и т. д.

А по вечерам, когда приходилось сидеть дома, царь играл в карты, в безик, наклеивал фотографии в альбомы, играл даже в четыре руки, по временам читал вслух жене. Любил он литературу легкую, смешную, иллюстрированные юмористические журналы. В период беременности царь катал жену в кресле, а вообще, «завалиться спать пораньше» было также большим удовольствием, которое отмечалось в дневнике.

6

Ну, а война, события, военные победы, поражения! В этой обстановке, которая только что очерчена, восприимчивость не могла быть сколько-нибудь значительной. Из состояния безразличного восприятия царя не выталкивали ни военные события, ни та вулканическая жизнь, которой жила Россия в 1904 году (взрывы — убийство Бобрикова, убийство Плеве).

Эпически спокойны записи Николая о поражениях на войне. Между двумя глухариными токами царь получил известия о крупном поражении. «21 апреля, среда. От Куропаткина пришло несколько донесений с подробностями боя 19 ап[реля], в кот[ором] участвовало 5 стрелковых полков с 4 батареями и более 3 дивизий японцев с большим количеством артиллерии. После полного обхода нашего левого фланга, отряду ген[ерала] Кашталинского пришлось отступить». (Точно охота на лосей. «Взяли два круга, но стрелять не пришлось, так как быки прорвались назад, вышли на линию только коровы».) «К сожалению, кроме огромных потерь людьми (544 фазана. — П. Щ.) — орудия и пулеметы были оставлены на позиции, ввиду того, что все лошади были перебиты. Тяжело и больно». «Тяжело и больно» воспринимать потерю орудий и пулеметов, потерю верного пса Имана, а потеря людей не воспринимается вовсе: кроме людской гибели, все хорошо! Вот и все, что непосредственно относится к поражению, а о самочувствии автора дневника говорит продолжение записи под этим и следующими днями. «Погода была серая, с сильным ветром. После доклада принял 33 чел[овек]. Весь вечер много занимался». «В час ночи поехал на тот же ток, посчастливилось на этот

раз, и я убил 5 глухарей. Ночь стояла чудная»... Анализ, даже не глубокий, всей приведенной записи не оставляет сомнения, что известие о поражении, нанесенном царской армии, не вызвало в венценосном вожде никаких эмоций: он оказался просто нечувствителен. Точно все было в порядке вещей. Нечувствительность и невосприимчивость в таких натурах, как Николай, прекрасно вяжутся с «покорностью воле Божьей». На помощь приходят религиозные трафареты: «на все воля Божья, Господь нам будет в помощь» и иная религиозная словесность, которой охотно пользовался Николай.

Николай получил известие о сдаче Порт-Артура. Записал: «Потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам, ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов. Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то, значит, воля Божья». Как доходит до воли Божьей, так сейчас же легче: с глаз долой, из сердца вон. Эту запись следует сопоставить с рассказом современника о том, как царь принял падение Порт-Артура. «Депеша о капитуляции Порт-Артура была получена царем на станции Барановичи, во время пути. Новость, которая удручила всех, любящих свое отечество, царем была принята равнодушно, не видно было на нем и тени грусти. Тут же начались рассказы Сахарова (военного министра), его анекдоты, и хохот не переставал. Сахаров умеет забавлять царя <...>. Это ли не печально и не возмутительно. Не дай Бог, чтобы это проникло в народ, к недругам».

Свидетельство современника совпадает с нашим впечатлением от записи в дневнике.

1 января 1905 года Николай начал дневник привычным и успокаивающим обращением: «Да благословит Господь наступивший год, да дарует он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое, безмятежное житие!»

Не вышло по царской молитве! 1905 год был годом великих поражений и первой революции. В мае погибла при Цусиме русская эскадра. Гибель была разительна, легендарна. Вестью о ней был потрясен весь мир, не только русский народ. И вот обращаешься к дневнику, перелистываешь страницы четкого, бисерного почерка, ждешь, что взорвало наконец тихую, безмятежную жизнь автора Цусимы. Ничуть не бывало. Вот последовательные записи

дневника (без выпуска). «16 мая... Ездил верхом, гулял и катался в байдарке. Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом — все насчет наших потерь и полное молчание о их повреждениях. Такое поведение ужасно гнетет. Ольга, Петя и Кирилл обедали. Ездили в Павловск с нами». «17 мая. Тяжелые и противоречивые известия продолжали приходить относительно неудачного боя в Цусимском проливе. (Царь не любил верить в неприятное, он все еще не верил в поражение. — П. Щ.) Имел три доклада. Гуляли вдвоем. Погода была чудная, жаркая. Пили чай и обедали на балконе». «18 мая. Дивная погода. После доклада принял 90 офицеров. Завтракал Сергей. Миша приехал проститься, т[ак] к[ак] вечером уезжает в Берлин на свадьбу кронпринца и Сесиль. Сделал хорошую прогулку верхом. На душе тяжело, больно, грустно. Обедали на балконе и покатались в Павловске». «19 мая. Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели всей почти эскадры в двухдневном бою. Сам Рожественский, раненный, взят в плен!! День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе. Имел три доклада. Завтракал Петюша. Ездил верхом». А на следующий день исчезли и следы грусти. «20 мая. Было очень жарко. Утром слышали гром вдали. Принял многих. Завтракали: Е. А. Нарышкина. Принял Трепова. Гулял и катался на байдарке». Вот и все. И Цусима не испортила настроения Николаю II.

Замечательно, что грандиозные поражения в Японской войне не вызвали в Николае миролюбивых настроений и не погасили воинственных. Он не желал мира и вынужден был подчиниться давлению обстоятельств. И когда получено было известие от Витте о том, что переговоры о мире приведены к окончанию, царь не сразу понял, что случилось. Он «весь день ходил, как в дурмане, после этого», а на другой день записал: «Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что так должно быть»...

